

с Западом стали возрастать, а это сказалось и на русском летописании. Историческая мысль выступает союзником во внешней политике крепнущей Московской Руси, что особенно видно с тех пор, как появляется Посольский приказ. Раздвигается кругозор летописцев. Они теперь интересуются не только соседними, но и весьма отдаленными государствами. В стране начинает накапливаться дипломатическая документация, ибо теперь дипломатическое ведомство должно иметь налаженное делопроизводство. В терминологии летописцев наблюдается большая точность, чем раньше. Летописец со знанием дела определяет страну, чин и должность прибывшего в Москву иностранца, тем более если это посол. Он уже не называет любую западную территорию «немецкой землей», главу Ливонского ордена именуется уже не «местер», а «магистр», неопределенный термин «фряжские земли» заменяет более точным «итальянские земли», и только термин «немцы» еще ждет своего уточнения. Русские летописцы начинают вести происхождение московской власти не только из византийского, но и из римского корня. Такова связь исторической мысли с тогдашней действительностью.

Но автора интересует прежде всего аспект историографический.

Гюнтер Штёкль коснулся чрезвычайно важного вопроса, о котором размышляли как дореволюционные русские историки,² так и историки советские.³ Речь идет о скудости западного материала в «Повести временных лет». Явление это выражается в двух формах. Во-первых, имеются факты из области отношений между Киевской Русью и Германией, о которых летопись умалчивает и о которых известно только из западных источников. Например, летописцы молчат об обращении княгини Ольги к Оттону I с просьбой о присылке духовенства. В летописи не говорится о Генрихе IV, который в 1075 г. посылал миссию в Киев, хотя о самой миссии и сказано; к тому же Генрих IV не мог быть неизвестен летописцам, поскольку за ним была замужем русская княжна Евпраксия, затем снова вернувшаяся в Киев. Ничего из летописи не узнаем о Конраде III, который поддерживал Юрия Долгорукова в борьбе против Изяслава. Нет ни слова о Фридрихе Барбароссе, посылавшем Андрею Боголюбскому мастеров для строительства великокняжеской резиденции во Владимире.

Во-вторых, даже те факты, о которых говорится в «Повести», даны слишком глухо. Летопись не называет ни одной столицы не только отдаленных, но даже соседних государств; из летописи нельзя получить конкретного представления о тех или иных зарубежных правителях. Не один раз говорится о «немцах из Рима», которые приходили на Русь, но кто они, остается неизвестным. Так, мы не знаем, кто были «немцы из Рима», предлагавшие Владимиру свою веру; точно так же неизвестно, в какой стране посланцы Владимира наблюдали западное богослужение, в котором они «красоты не видали никакой». Знакомство летописцев с Западом ограничивалось лишь теми сведениями, какие они могли почерпнуть от приезжавших с Запада посланцев, их осведомленность не выходила за пределы книжных представлений.

В чем причина такого явления? Гюнтер Штёкль вслед за другими исследователями, как нашими, так и зарубежными, называет религию. И это совершенно правильно. Разделение церквей и борьба католичества и православия, как известно, наложили заметную печать на летописание, нахо-

² М. Д. Приселков. Очерки церковно-политической жизни Киевской Руси. СПб., 1913.

³ М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI веке. — ЛЗАК, вып. 1 (34), 1927, стр. 3—26.